

Рудольф Штайнер
Как достичь познания высших миров?

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177073
Космическая предыстория человечества: Новалис; 2004
ISBN 5-902291-10-0

Содержание

Предисловие к первому изданию	4
Предисловие к пятому изданию	6
Предисловие к восьмому изданию	8
Как достичь познания высших миров?	9
Предварительные условия	9
Внутренний покой	14
Ступени посвящения	19
Подготовка	20
Просветление	24
Контроль мыслей и чувств	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Рудольф Штейнер

Как достичь познания высших миров?

Предисловие к первому изданию

Впервые в виде книги выходят в свет мои исследования, которые прежде были изданы в виде отдельных статей, под общим заглавием «Как достичь познания высших миров?» В настоящем томе приведена первая часть исследований; следующий будет заключать в себе продолжение. Данной работе о развитии человека, ведущем его к постижению сверхчувственных миров, необходимо предпослать несколько сопроводительных слов. Заключающиеся в этой книге сообщения о душевном развитии человека имеют целью удовлетворить некоторым запросам. Прежде всего необходимо дать что-нибудь людям, которые испытывают интерес к результатам духовного исследования и которые задаются вопросом: откуда же берут свои познания те люди, которые утверждают, что могут давать ответы на высокие, загадочные вопросы жизни? Духовная наука проливает свет на эти загадки. Человек, желающий наблюдать факты, приводящие к таким ответам, должен подняться к сверхчувственным познаниям. Он должен пройти тот путь, описание которого пытается дать эта книга. Однако было бы заблуждением думать, что сообщения духовной науки не представляют собой никакой ценности для тех, кто не склонен или не может сам идти этим путем. Для того чтобы *исследовать* факты сверхчувственных миров, нужно обладать способностью вступать в эти миры. Но поскольку они исследованы и о них сообщается, то достаточную убежденность в истинности подобных сообщений может приобрести и тот, кто сам этих миров не воспринимает. Большая часть их может быть проверена уже путем действительно беспристрастного применения к ним здоровой способности суждения. Не нужно только допускать, чтобы всевозможные предрассудки, которых так много в человеческой жизни, нарушали эту беспристрастность. Легко может случиться, например, что кто-то найдет, будто то или иное сообщение не согласуется с некоторыми результатами современной науки. В действительности же нет ни одного научного положения, которое бы входило в противоречия с духовным исследованием. Если обращаться с научными данными недостаточно всесторонне и беспристрастно, то легко может *показаться*, будто то или иное научное суждение не согласуется с сообщениями о высших мирах. И мы найдем, что чем беспристрастнее мы сопоставим духовную науку именно с положительными достижениями наук, тем полнее выявится и их полное взаимное согласие. Определенная часть духовно-научных сообщений, конечно, в той или иной мере ускользает от обычного рассудочного суждения. Но тот, кто поймет, что судьей над истиной может быть не один только рассудок, но и *здоровое* чувство, тот без труда сможет найти правильное отношение также и к этим сообщениям. И там, где это чувство не позволяет себе увлечься симпатией или антипатией к тому или иному мнению, но действительно непредвзято дает воздействовать на себя познаниям сверхчувственных миров, там оно сумеет вынести и соответствующее суждение. Для лиц, которые не могут или не хотят вступить на путь к сверхчувственному миру, существуют еще и другие пути, ведущие к признанию истинности этих познаний. Но и эти люди смогут ощутить, какую ценность для жизни имеют эти познания даже в том случае, если они получают их только из сообщений духовных исследователей. Сразу стать ясновидящим может не каждый, но познания ясновидящего – истинно здоровая жизненная пища для каждого. Ибо каждый может применить их к жизни. И тот, кто поступит так, вскоре поймет, чем может стать жизнь, во всех областях обогащенная ими, и чего она лишается, когда их исключают. Правильно примененные в жизни познания сверхчувственных миров оказываются не бесплодными, но в выс-

шем смысле практическими. Но если кто-либо и не желает вступить на путь высшего познания сам, то, при некотором интересе к наблюдаемым на этом пути фактам, у него, тем не менее, может возникнуть вопрос: как приходит к этим фактам ясновидящий? Данная книга хотела бы дать тем, кто интересуется этим вопросом, картину того, что необходимо предпринять, чтобы действительно ознакомиться со сверхчувственным миром. Она хотела бы описать путь в этот мир таким образом, чтобы и не идущий этим путем человек мог приобрести доверие к словам того, кто уже прошел его. Ведь, ознакомившись с тем, что совершает при этом духовный исследователь, можно признать путь его верным и сказать себе: «Описание пути в высшие миры производит на меня такое впечатление, что я могу понять, почему сообщаемые факты кажутся мне убедительными». Итак, эта книга должна послужить тем, кто хочет укрепиться и утвердиться в своем чувстве и ощущении сверхчувственного мира. Но она хотела бы также предложить нечто и тем, кто сам ищет путь к сверхчувственным познаниям. Лучше всего сможет испытать истину всего изложенного здесь тот, кто претворит ее в себе. Человеку, имеющему подобное намерение, будет полезно постоянно напоминать себе, что при описании душевного развития необходимо нечто большее, чем простое ознакомление с содержанием, как это обычно имеет место при исследованиях другого рода. Необходимо интимно вжиться в это описание; нужно принять в качестве предпосылки, что к пониманию *какой-либо* вещи приходят не только благодаря сказанному о ней самой, но и благодаря тому, что сообщается о совершенно иных вещах. Таким образом, человек получит представление о том, что наиболее существенное заключается не в *одной* отдельной истине, но в созвучии их всех. Тот, кто намерен выполнять упражнения, должен подумать над этим очень серьезно. Можно правильно понять упражнение и правильно выполнить его, и все же оно может оказать неверное воздействие, если не дополнить его другим упражнением, обращающим односторонность первого в душевную гармонию. Тот, кто вдумчиво прочтет эту книгу, так, что чтение станет для него как бы внутренним переживанием, тот не только ознакомится с ее содержанием, но и по ходу чтения проникнется разнообразными чувствами; благодаря этому он узнает, какой *вес* для душевного развития имеет каждое из них. Он найдет также, в какой именно форме следует ему стараться выполнять то или иное упражнение, сообразуясь со своей неповторимой индивидуальностью. Когда речь идет, как здесь, об описании тех процессов, которые должны быть *пережиты*, то оказывается необходимым все снова и снова возвращаться к содержанию; ведь убедиться в том, что многое понято нами удовлетворительно, можно лишь тогда, когда мы испытали это на практике, что позволило нам подметить некоторые тонкости, которые прежде неизбежно упускались.

Однако и те читатели, которые не намерены сами идти очерченным здесь путем, обнаружат в этой книге немало пригодного для своей внутренней жизни: жизненные правила, разъяснения тех или иных вещей, кажущихся загадочными, и т. д.

И тот, кто благодаря своему жизненному опыту многое пережил и прошел в известном отношении через посвящение жизнью, найдет, быть может, некоторое удовлетворение, встретив в общей взаимосвязи объяснение того, что прежде являлось ему в настолько разрозненной форме, что ему, возможно, не удалось довести свои знания до удовлетворительного для него самого уровня представлений.

Берлин, 12 октября 1909 г.

Рудольф Штейнер

Предисловие к пятому изданию

Первоначальное изложение книги «Как достичь познания высших миров?», увидевшее свет более десяти лет тому назад, для этого нового издания было вновь проработано во всех частностях. Когда речь идет о душевных переживаниях и путях, подобных изложенным в этой книге, потребность в такой переработке возникает сама собой, поскольку изложенное здесь не может содержать в себе ни одной части, с которой душа сообщавшего не оставалась бы в тесной связи и которая не заключала бы в себе нечто еще, что продолжает и дальше работать над этой душой. И, разумеется, к этой душевной работе не могло не присоединиться стремление к достижению все большей ясности и отчетливости в данном несколько лет тому назад изложении. Из этого стремления и возникло все то, что я постарался осуществить в новом издании этой книги. Хотя все *существенные* ее разделы, все главное осталось как было, но все же в ней произведены *значительные изменения*. Во многих местах мне удалось сделать нечто для *более точной характеристики деталей*. И это казалось мне важным: если кто-нибудь захочет применить сообщенное в этой книге к своей собственной духовной жизни, то очень важно, чтобы он имел возможность более точно обозреть душевные пути, о которых здесь идет речь. При описании внутренних духовных процессов недоразумения могут возникать гораздо чаще, чем при освещении фактов физического мира. Подвижность душевной жизни, необходимость никогда не терять из виду всего ее отличия от жизни в физическом мире, а также многое другое делают вероятным возникновение подобных недоразумений. В настоящем издании я обратил внимание на те места в книге, которые могут дать повод к таким недоразумениям, и в новом изложении я постарался воспрепятствовать их возникновению.

В то время когда я писал статьи, из которых составила данная книга, о многом приходилось говорить иначе, чем в настоящее время еще и по той причине, что тогда мне приходилось указывать на содержание всего, обнародованного мною за последние десять лет из области познания духовных миров, не так, как это можно сделать теперь, после этого обнародования. В моем «Тайноведении», в «Водительстве человека и человечества», в «Пути к самопознанию» и, особенно, в «Пороге духовного мира», а также в других моих трудах описаны духовные процессы, на существование которых эта книга уже указывала более десяти лет тому назад, однако не в тех словах, которые кажутся верными сегодня. О многом, в то время еще не приведенном в этой книге, я должен был сказать, что это может быть сообщено только путем «устной передачи». В настоящее же время *многое* из того, что подразумевалось тогда под этими указаниями, обнародовано. И, быть может, именно эти указания стали причиной того, что возможность возникновения у читателей ошибочных мнений не была полностью исключена. В *личном* отношении духовного ученика к тому или иному учителю могли поэтому усмотреть нечто более существенное, чем следовало бы. Я надеюсь, что в новом издании, благодаря иному способу изложения некоторых деталей, мне удалось более резко подчеркнуть, что в современных условиях духовной жизни для человека, ищущего духовного ученичества, более важным является совершенно *непосредственное* отношение к объективному духовному миру, чем к личности учителя. И в духовном обучении учитель все больше и больше будет занимать место такого же помощника, какое занимает, согласно новейшим представлениям, наставник в любой другой области знания. Я, как мне кажется, достаточно определенно отметил, что в духовном ученичестве авторитет учителя и вера в него не должны играть иной роли, чем в любой другой области знания и жизни. Мне кажется чрезвычайно важным, чтобы именно об этом отношении духовного исследователя к людям, интересующимся результатами его исследований, судили все более правильно. Таким обра-

зом, я надеюсь, что исправил эту книгу там, где десять лет спустя мне удалось найти места, нуждающиеся в исправлении.

За этой первой частью должна последовать вторая. Она содержит в себе дальнейшие разъяснения душевного строя, приводящего человека к переживанию высших миров.

Новое издание этой книги было уже подготовлено, когда началась великая война, которую переживает теперь человечество. Мне приходится писать это предисловие с глубоким волнением в душе, вызванным роковым событием.

Берлин, 7 сентября 1914 г.

Предисловие к восьмому изданию

При повторной переработке этого издания я посчитал необходимым внести в книгу лишь незначительные изменения. В то же время я дополнил это издание «Послесловием», в котором мои усилия были направлены на то, чтобы с большей ясностью суметь осветить вопросы, касающиеся душевных основ, на которые сообщения настоящей книги должны опираться таким образом, чтобы не оказаться воспринятыми превратно. Я полагаю, что содержание послесловия может быть полезным и для разьяснения иным противникам антропософской духовной науки того, что они держатся своих суждений, лишь поскольку под духовной наукойим представляется нечто, существенно отличающееся от того, чем она является в действительности; что же она есть на самом деле – им это совершенно неведомо.

Май 1918 г.

Как достичь познания высших миров?

Предварительные условия

В *каждом* человеке дремлют способности, при помощи которых он может приобрести познания о высших мирах. Мистик, гностик, теософ всегда говорили о мирах души и духа, столь же действительных для них, как и тот мир, который можно видеть физическими глазами, осязать физическими руками. Слушающий их в каждое мгновение вправе сказать себе: то, о чем они говорят, я также смогу познать, если разовью в себе некоторые силы, которые сегодня во мне еще дремлют. Следовательно, речь может идти лишь о том, как приступить к развитию в себе этих способностей. Наставление к этому могут дать только те, кто уже обладает в себе этими силами. С тех пор как существует род человеческий, всегда существовали и школы, где люди, обладающие высшими способностями, давали наставления искавшим эти способности. Такие школы называются *сокровенными школами*, а обучение, которое дается в них, называется тайноведческим, или оккультным обучением. Такое название, естественно, вызывает недоразумение. При знакомстве с ним легко может сложиться мнение, что люди, причастные к деятельности таких школ, хотят изобразить собою какой-то особенно привилегированный класс людей, умышленно скрывающий свое знание от ближних. Здесь можно также предположить, что за этим знанием вообще не кроется ничего значительного. Ибо если бы оно было истинным знанием – так иногда склонны думать, – то незачем было бы делать из него тайну: можно было бы сообщить его открыто и сделать его преимущества доступными для всех.

Посвященные в природу тайного знания нисколько не удивляются тому, что непосвященные мыслят таким образом. В чем состоит тайна посвящения – это может понять лишь тот, кто в известной степени сам испытал это посвящение в высшие тайны бытия. Но здесь можно спросить: каким же образом у непосвященного может вообще возникнуть при подобных условиях какой-либо человеческий интерес к так называемому тайному знанию? Как и почему станет он искать нечто, о природе чего он не может составить себе никакого представления? Но уже в самой основе такого вопроса лежит совершенно ошибочное представление о сущности тайного знания. Ибо в действительности с тайным знанием дело обстоит не иначе, чем со всяким другим человеческим знанием и умением. Для обычного человека это тайное знание является тайной совершенно в том же смысле, в каком умение писать является тайной для того, кто ему не обучался. И как научиться письму может каждый, кто избрет для этого правильный способ, так и учеником или даже учителем тайноведения может сделаться каждый, кто найдет для этого соответствующий путь. Только в одном отношении условия здесь будут иными, нежели при усвоении внешних знаний и навыков. Человек по причине бедности или в силу культурных условий, в которых он родился, может быть лишен возможности научиться письму; но для тех, кто серьезно ищет знаний и умений в высших мирах, не существует никаких препятствий.

Многие полагают, что нужно непременно пуститься на поиски учителей высшего знания с тем, чтобы получить у них разъяснения. Здесь, однако, следует учесть две вещи. Во-первых, тот, кто серьезно стремится к высшему знанию, не побоится никаких трудностей и препятствий, чтобы найти посвященного, который сможет ввести его в высшие тайны мира. Но, с другой стороны, каждый может быть уверен и в том, что посвящение найдет его при любых обстоятельствах, если только в нем живет серьезное и достойное стремление к познанию. Ибо существует естественный закон для всех посвященных, обязывающий их не закрывать ни одному человеку доступа к подобающему ему знанию. Но есть и другой, столь же

естественный закон, гласящий, что никому не следует выдавать что-либо из тайного знания, если он к тому не призван. И посвященный тем совершеннее, чем строже он соблюдает оба эти закона. Духовная связь, охватывающая посвященных, это связь не внешняя, но оба упомянутых закона образуют прочные скрепы, связующие всех входящих в состав этого союза. Ты можешь жить в тесной дружбе с посвященным, и все же ты до тех пор будешь далек от него, пока не станешь посвященным сам. Ты можешь в полной мере пользоваться расположением и любовью посвященного, но свою тайну он доверит тебе только тогда, когда ты будешь подготовлен к ней. Ты можешь льстить ему или подвергать его пытке: ничто не заставит его выдать тебе что-либо из того, что, как он знает, не должно быть тебе выдано, ибо на этой ступени твоего развития ты еще не умеешь правильно воспринять душой эту тайну.

Пути, делающие человека зрелым для принятия тайны, предуказаны совершенно точно. Их направление неугасимыми, вечными буквами предначертано в духовных мирах, где посвященные хранят высшие тайны. В древние времена, предшествовавшие нашей «истории», храмы духа были видимы также и внешне; теперь же, когда жизнь стала столь бездуховной, их нет больше в мире, видимом для внешнего глаза. Но духовно они присутствуют везде, и каждый ищущий может найти их.

Только в своей собственной душе может человек найти средства, открывающие для него уста посвященных. Он должен развить в себе до определенной высокой степени некоторые качества, и тогда им могут быть обретены высочайшие духовные сокровища.

Началом должен послужить определенный основной настрой души. Тайновед называет этот основной настрой *путем почитания*, благоговения перед истиной и познанием. Только тот, кто обладает им, может стать учеником тайноведения. Человек, опытный в этой области, знает, какие наклонности заметны уже в детстве у людей, становящихся позднее учениками тайноведения. Есть дети, которые со священным трепетом относятся к некоторым почитаемым ими людям. Они испытывают перед ними благоговение, не дающее возникнуть какой-либо мысли о критике или возражении. Такие дети вырастают в юношей и девушек, способных испытывать радость, если они могут взирать на нечто, достойное преклонения. Из числа таких детей выходит много учеников тайноведения. Если ты когда-нибудь стоял перед дверью дома почитаемого тобою человека и испытывал при этом первом посещении священный трепет перед тем как нажать на ручку двери и вступить в комнату, которая являлась для тебя «святилищем», то это чувство, проявившееся в тебе в то время, может стать зачатком твоего дальнейшего духовного ученичества. Нести в себе с юности задатки подобных чувств – счастье для каждого человека. Не нужно только думать, что эти задатки приведут впоследствии к подчинению или рабству. Детское почитание к людям станет позднее почитанием *истины и познания*. Опыт учит, что держать голову прямо лучше всего умеет тот, кто научился почитать там, где почитание уместно. А уместно оно везде, где оно возникает из глубины сердца.

Если мы не разовьем в себе глубоко коренящегося чувства, что существует нечто, что выше нас, то мы не найдем в себе также и силы развиваться вверх, к высшему. Лишь призвав свое сердце к глубинам благоговения и почитания, посвященный обретает силу поднять голову к высям познания. Только пройдя через врата смирения, можно достичь высот духа. Настоящего знания ты можешь достичь, лишь научившись ценить это знание. Человек, несомненно, вправе открыть глаза навстречу свету; но он должен завоевать себе это право. В духовной жизни, как и в материальной, существуют законы. Натрите стеклянную палочку соответствующим веществом, и она наэлектризуется, то есть получит силу притягивать мелкие предметы. Это соответствует закону природы. Кто хоть немного знаком с физикой – знает это. И точно так же любой человек, знакомый с основными началами тайноведения, знает, что каждое развиваемое в душе чувство *истинного* благоговения пробуждает силу, которая рано или поздно сможет продвинуть нас в познании.

Кто обладает склонностью к благоговейным чувствам или кто имел счастье взрастить их в себе благодаря соответствующему воспитанию, тот несет с собой много благоприятных условий для нахождения в дальнейшей жизни доступа к высшим познаниям. Для того же, кто не имеет подобной подготовки, уже на первой ступени пути познания возникнет немало затруднений, если он посредством самовоспитания не станет настойчиво вызывать в себе благоговейный настрой. В наше время крайне важно отнестись к этому с предельным вниманием. Наша цивилизация более склонна к критицизму, порицанию и осуждению, чем к благоговению и искреннему почитанию. У нас даже дети куда больше расположены к критике, чем к глубокому почитанию. Но всякая критика, всякое осуждение настолько же разрушает силы души, направленные к высшему познанию, насколько самоотверженное почитание их развивает. Сказанное отнюдь не следует воспринимать как упрек нашей цивилизации. Речь идет здесь вовсе не о том, чтобы критиковать нашу цивилизацию. Именно критике, сознательному человеческому суждению и словам: «все испытайте и лучшее сохраните» мы обязаны величием нашей культуры. Никогда человек не достиг бы науки, промышленности, средств сообщения, правовых отношений нашего времени, если бы он повсеместно не применял критики, если бы он не прилагал ко всему мерила своего суждения. Но выигранное нами таким образом во внешней культуре мы должны были оплатить соответствующим ущербом в *высшем* познании, в спиритуальной жизни. Следует подчеркнуть, что в высшем познании речь идет о преклонении *не* перед людьми, а перед *истиной* и *познанием*.

Однако каждый должен уяснить себе, что человеку, совершенно погруженному в материалистическую цивилизацию наших дней, очень трудно пробиться к познанию высших миров. Он может достичь этого лишь благодаря настойчивой работе над собой. В те времена, когда условия материальной жизни были проще, был легче постижим и духовный подъем. Все достойное преклонения и почитаемое священным тогда значительно возвышалось над другими мирскими отношениями. В критический век идеалы обесцениваются. Другие чувства заступают на место преклонения, благоговения, почитания и удивления. Наша эпоха все больше теснит эти чувства, так что повседневная жизнь лишь в незначительной степени приводит человека к соприкосновению с ними. Ищущий высшего познания должен взрастить их в себе. Он должен сам вливать их в свою душу. Этого нельзя достичь путем изучения. Это можно сделать только путем жизни. Поэтому желающий стать учеником тайноведения должен настойчиво воспитывать в себе способность к благоговейному настрою. Он должен повсюду в своем окружении, в своих переживаниях целенаправленно искать то, что может вызвать в нем восхищение и уважение. Если, встречаясь с человеком, я осуждаю его слабости, то этим я похищаю у себя высшую силу познания: но если я стараюсь любовно углубиться в его достоинства, я накапливаю эту силу. Ученик тайноведения должен постоянно помнить о необходимости следовать этому указанию. Опытные тайноведы знают, какой силой они обязаны тому обстоятельству, что постоянно и во всем они обращают внимание на доброе и удерживают себя от порицающего суждения. Но это не должно оставаться только внешним жизненным правилом. Это должно овладеть глубинами нашей души. Будет ли человек совершенствоваться, чтобы со временем совершенно преобразить себя, – всецело зависит от него самого. Но это изменение должно совершаться во внутреннем существе его, в жизни его мыслей. Недостаточно, чтобы я внешне, своим поведением выказывал кому-либо уважение. Я должен нести это уважение в своих мыслях. Ученик должен начать с принятия благоговения в жизнь своих мыслей. Он должен обращать внимание на неуважительные, порицающие мысли в своем сознании. Ему нужно прямо-таки стремиться к воспитанию в себе благоговейных мыслей.

Каждое мгновение, когда мы пытаемся осознать, сколько в нас таится отрицательных, порицающих, критических суждений о мире и жизни, – каждое такое мгновение приближает нас к высшему познанию. И мы быстро поднимаемся вверх, если в эти мгновения наполняем

наше сознание только теми мыслями, которые вызывают в нас удивление, почитание, уважение перед миром и жизнью. Тот, у кого есть опыт в этих вещах, знает, что в каждое подобное мгновение в человеке пробуждаются силы, которые иначе остаются дремлющими. *Благодаря* этому у человека раскрываются духовные очи. Он начинает видеть вокруг себя вещи, которых он не мог видеть раньше. Он начинает понимать, что прежде он видел лишь часть окружающего его мира. Стоящий перед ним человек предстает в совершенно ином образе, чем прежде. Правда, благодаря соблюдению *этого* жизненного правила он пока не будет в состоянии увидеть, например, то, что описывается как человеческая аура; для этого необходимо еще более высокое обучение. Но подняться к этому высшему обучению он может только пройдя ранее через *энергичное* воспитание в себе благоговения.¹

Бесшумно и незаметно для внешнего мира происходит вступление ученика на «путь познания». Возможно никто и не заметит происходящие в нем перемены. Он исполняет свои обязанности, как и прежде; он занимается своими делами, как и до этого. Изменение происходит только во внутренней стороне его души, скрытой от внешнего глаза. Сначала вся душевная жизнь (*Gemütsleben*) человека озаряется основным настроением благоговения перед всем действительно достойным уважения. В этом *основном* чувстве сосредоточивается вся его душевная жизнь. Как солнце оживляет своими лучами все живое, так и почитание оживляет в ученике все ощущения души.

Вначале человеку нелегко бывает поверить, что такие чувства, как почитание, уважение и подобные им, имеют какое бы то ни было отношение к познанию. Это происходит оттого, что в познании склонны видеть такую способность, которая не находится ни в малейшей связи со всем тем, что обычно происходит в душе. При этом, однако, забывают, что познает ведь именно *душа*. А для души чувства являются тем же, чем являются для тела вещества, которые составляют его питание. Если телу вместо хлеба подают камень, то деятельность его прекращается. Так же обстоит дело и с душой. Преклонение, уважение, благоговение являются питательными веществами, делающими ее *здоровой*, сильной; сильной, прежде всего, в познавательной деятельности. Презрение, антипатия, недооценка чего-либо, достойного признания, приводят к ослаблению и отмиранию познавательной деятельности. Для духовного исследователя этот факт видим в *ауре* человека. Душа, принявшая в себя чувства почитания и благоговения, вызывает изменение в своей ауре. Некоторые духовные цветовые оттенки, которые можно обозначить как желто- и коричнево-красные, исчезают и заменяются сине-красными. Но тем самым раскрывается и способность познания; душа получает весть об окружающих ее фактах, о которых она прежде и не подозревала. Почитание пробуждает в душе симпатическую силу, при помощи которой нами привлекаются свойства окружающих нас существ, остающиеся иначе сокрытыми.

То, чего достигают благодаря благоговению, становится еще действеннее, когда к нему присоединяется чувство другого рода. Оно состоит в том, что человек научается все меньше и меньше отдаваться впечатлениям внешнего мира и вместо этого развивает подвижную внутреннюю жизнь. Человек, который гонится за впечатлениями внешнего мира и всегда ищет «развлечений», не найдет пути к тайноведению. Но не притуплять себя для внешнего мира должен духовный ученик; *богатая внутренняя жизнь должна* сама сообщить ему направление, на котором ему следует отдаваться внешним впечатлениям. Проходя по прекрасной горной местности, глубоко чувствующий и душевно одаренный человек переживает нечто иное, нежели человек, бедный чувством. Лишь внутренне пережитое дает нам ключ к красоте внешнего мира. Иной едет по морю, и лишь немногие внутренние пережи-

¹ Общий обзор «пути познания» можно найти в последней главе моей книги «Теософия, введение в сверхчувственное познание мира и человека». Здесь же будут приведены только некоторые частные стороны, имеющие практическое значение.

вания проходят через его душу; другой же ощутит при этом вечный язык Мирового Духа; ему раскрываются таинственные загадки творения. Мы должны уметь обращаться с нашими собственными чувствами и представлениями, если хотим развить внутренне содержательное отношение к внешнему миру. Внешний мир во всех своих проявлениях исполнен Божественной Славы; но Божественное надо сначала пережить в своей душе, если хочешь найти его в окружающем. Ученику тайноведения предлагается создавать в своей жизни мгновения, когда в тишине и одиночестве он погружается в самого себя. Но не тому, что связано с его собственным «Я», должен он предаваться в эти мгновения. Это оказало бы воздействие, противоположное тому, что имеется здесь в виду. Напротив, в эти мгновения он должен дать в полной тишине отзвучать тому, что он пережил, что сказал ему внешний мир. Каждый цветок, каждое животное, каждый поступок откроют ему в эти мгновения тишины негаданные тайны. Это научит его видеть новые впечатления внешнего мира совершенно иными глазами, чем прежде. Человек, желающий только *наслаждаться* частой сменой впечатлений, притупляет свою способность познания. Тот же, кто, испытав такое наслаждение, дает ему после этого *раскрыть* себе нечто, тот развивает и воспитывает свою способность познания. Но он должен приучить себя не только вызывать в себе отзвук этого наслаждения, но путем *отказа* от дальнейшего наслаждения *перерабатывать* пережитое в нем своей внутренней деятельностью. Здесь кроется исключительно опасный подводный камень. Вместо того чтобы работать в себе самом, легко можно впасть в обратное и пожелать еще раз, пусть задним числом, до конца исчерпать наслаждение. Не следует недооценивать то обстоятельство, что здесь перед учеником открываются необозримые источники заблуждения. Ибо он должен пройти через сонмы душевных искусителей. Все они хотят сделать его «Я» черствым, замкнуть его в себе самом. А он должен раскрыть его для мира. Правда, он *должен* искать приятных впечатлений; ибо только через них подходит к нему внешний мир. Притупляя себя для наслаждения, он становится подобным растению, которое больше не может привлекать к себе из своего окружения питательных веществ. Но, останавливаясь на подобных чувственных восприятиях, он замыкается в самом себе. Он сохраняет тогда какое-то значение только для себя и никакого – для мира. Как бы ни жил он тогда в себе, как бы сильно ни развивал свое «Я» – мир выключает его из себя. Для него он мертв. Ученик рассматривает доставляющие ему *удовольствие* впечатления только как *средство* облагородить себя *для мира*. Удовольствие является для него вестником, поучающим его о мире; но после этого обучения через удовольствие он спешит дальше, к *работе*. Он учится не для того чтобы накапливать изученное как сокровище *своего* знания, но для того чтобы отдать его на служение миру.

Это – основной закон любой школы тайноведения, и его нельзя преступить, если мы хотим достичь какой-либо цели. Любое тайное обучение должно запечатлеть его в сознании своего ученика. Он гласит: *Каждое познание, которого ты ищешь только для обогащения твоего знания, только для того чтобы накопить в себе сокровища, отклоняет тебя от твоего пути; но каждое познание, которого ты ищешь с тем, чтобы стать более зрелым на пути облагорожения человека и развития мира, ведет тебя вперед*. Этот закон неумолимо требует своего соблюдения. И нельзя стать учеником, прежде чем этот закон не сделался путеводной нитью жизни. Эту истину духовного ученичества можно выразить в краткой формуле: *Каждая идея, которая не становится для тебя идеалом, убивает в твоей душе некую силу; но каждая идея, ставшая идеалом, создает в тебе жизненные силы*.

Внутренний покой

На путь *благоговения* и на развитие *внутренней жизни* указывается ученику в начале его поприща. И в руководство духовная наука дает ему также *практические правила*, при соблюдении которых можно вступить на путь и развить свою внутреннюю жизнь. Эти практические правила не возникли произвольно. Они основаны на опыте и знаниях глубочайшей древности. Всюду, где указываются пути к высшему познанию, они даются одинаковым образом. Все истинные учителя духовной жизни согласны между собой относительно содержания этих правил, хотя и не всегда облачают их в одинаковые слова. Это второстепенное и, в сущности, только кажущееся различие происходит от обстоятельств, которые не подлежат здесь обсуждению.

Ни один учитель духовной жизни не использует эти правила для приобретения господства над другими людьми. Он не хочет ограничивать ничьей самостоятельности. Ибо нет лучшего ценителя и защитника человеческой самостоятельности, чем тайновед. Было сказано (в первой главе этой книги), что связь, охватывающая собой всех посвященных, есть связь духовная и что два закона образуют скрепы, соединяющие отдельные части этого союза. Но когда посвященный из своей замкнутой духовной области выступает в открытый мир, тогда для него тотчас же вступает в силу третий закон. Он гласит: Направляй каждый твой поступок и каждое твое слово так, чтобы не вмешаться в свободное волевое решение ни одного человека.

Кто понял, что истинный учитель духовной жизни вполне проникнут этим настроением, тот в состоянии понять также и то, что он не утратит своей самостоятельности, последовав предлагаемым ему практическим правилам.

Одно из первых правил можно облечь приблизительно в следующие слова нашей речи: «Создавай себе мгновения внутреннего покоя и научись в эти мгновения *отличать существенное от несущественного*». Здесь сказано, что это практическое правило гласит так, будучи «облечено в слова нашей речи». Издревле все наставления и правила духовного знания даются на символическом языке знаков. И желающий познать все их значение и глубину должен сначала уразуметь этот символический язык. Для этого необходимо, чтобы ученик уже сделал первые шаги в тайноведении. И он может сделать эти шаги при точном соблюдении правил, как они здесь даны. Путь открыт *каждому*, у кого есть серьезное желание.

Это правило, касающееся мгновений внутреннего покоя, очень просто. И следовать ему тоже просто. Но к цели оно приводит только тогда, когда оно принимается настолько же *серьезно* и *строго*, насколько оно просто. Поэтому здесь будет прямо сказано, как следовать этому правилу.

Ученик должен выделить в своей повседневной жизни короткий промежуток времени, чтобы посвятить это время занятиям, отличающимся от тех, что составляют предмет его каждодневных забот. И сам образ его деятельности должен совершенно отличаться от того, которым он наполняет весь остальной день. Но это нельзя понимать так, будто совершаемое им в этот выделенный промежуток времени не имеет никакого отношения к содержанию его каждодневной работы. Напротив: человек, *правильно* ищущий таких выделенных мгновений, скоро заметит, что только благодаря им он обретает полноту сил для выполнения своих повседневных задач. Не следует также думать, что соблюдение этого правила может действительно отнять у кого-нибудь время, отведенное для исполнения его обязанностей. *Если у кого-нибудь действительно нет больше времени*, то достаточно и *пяти минут* ежедневно. Все дело в том, как использовать эти пять минут.

На это время человек должен совершенно оторваться от своей повседневной жизни. Жизнь его мыслей и чувств должна получить другую окраску, чем какую она имеет обычно.

Он должен провести перед душой свои радости, свои печали, свои заботы, свой опыт и поступки. И при этом он должен поставить себя так, чтобы смотреть на все, обычно переживаемое им, с высшей точки зрения. Вспомните только о том, как по-иному смотрят люди в обыкновенной жизни на то, что переживают и делают другие, нежели на то, что переживают или делают они сами. И это не может быть иначе. Ибо с тем, что мы переживаем или делаем сами, мы бываем тесно связаны, а переживания и поступки другого мы только *рассматриваем*. И в эти выделенные мгновения мы должны стараться смотреть на собственные переживания и поступки и судить о них так же, как если бы их переживал и делал кто-нибудь другой, а не мы сами. Представьте себе следующее: кто-то пережил тяжелый удар судьбы. Как по-разному отнесется он к этому удару судьбы и к совершенно такому же постигнутому его ближнего! Никто не может считать это неправомерным. Такова природа человека. И совершенно так же, как в этих исключительных случаях, происходит это и в повседневных делах. Ученик должен найти в себе силу в известные мгновения относиться к самому себе как посторонний. С *внутренним спокойствием* человека, который только обсуждает, он должен выступить перед самим собой. Когда это будет достигнуто, собственные переживания явятся человеку в новом свете. Пока он остается тесно связанным с ними, пока он сам стоит посреди них, до тех пор он бывает одинаково связан как с несущественным, так и с существенным. Но когда он приходит к внутреннему покою наблюдателя, существенное отделяется от несущественного. Печаль и радость, каждая мысль и каждое решение покажутся ему иными, когда он так стоит перед самим собой. Это похоже на то, как если бы мы целый день находились в каком-нибудь месте и смотрели на все, на самое малое, как и на самое большое, с одинаково близкого расстояния, а затем вечером поднялись бы на соседний холм и сразу окинули взором всю местность. Тогда части этой местности предстали бы нам в совсем других соотношениях, чем когда мы находились сами среди них. С только что пережитыми событиями, посылаемыми нам судьбой, это едва ли удастся; но относительно событий, отошедших в более далекое прошлое, ученик духовной жизни должен стремиться к достижению этого. Ценность подобных спокойных внутренних обзоров самого себя не столько в том, *что* при этом видишь, а в том, чтобы найти в себе *силу*, развиваемую подобным внутренним покоем.

Ибо каждый человек несет внутри себя, наряду со своим – назовем его так – обыденным человеком, еще и другого, *высшего человека*. Этот высший человек остается скрытым до тех пор, пока он не будет пробужден. И каждый может лишь *сам* пробудить в себе этого высшего человека. Но пока высший человек не пробужден, до тех пор остаются скрытыми также и дремлющие в каждом человеке высшие способности, ведущие к сверхчувственным познаниям.

Пока человек не ощущает плодов внутреннего покоя, он должен сказать себе, что ему надо серьезно и строго продолжать следовать этому правилу. Для каждого, кто так поступает, наступит день, когда вокруг него станет духовно светло, когда его внутреннему оку, которого он в себе раньше не знал, откроется совершенно новый мир.

Совсем не обязательно, чтобы что-то изменилось во внешней жизни духовного ученика из-за того, что он стал следовать этому правилу. Он по-прежнему исполняет свои обязанности, он терпит те же горести и переживает те же радости, как и раньше. Он отнюдь не может стать из-за этого «отчужденным» от жизни. Более того, в течение всего остального дня он может тем полнее отдаваться этой «жизни», поскольку в эти выделенные мгновения он приобщается к «высшей жизни». Мало-помалу эта «высшая жизнь» окажет свое влияние и на обыденную. Покой выделенных мгновений распространит свое действие также и на остальную день. Весь человек станет спокойнее, приобретет уверенность во всех своих действиях, не будет терять равновесия из-за всевозможных неурядиц. Постепенно такой начинающий ученик будет все больше и больше руководить собою сам и все меньше давать руко-

водить собой обстоятельствам и внешним влияниям. Такой человек скоро заметит, каким источником силы являются для него эти выделенные им промежутки времени. Его перестанут раздражать вещи, которые раньше его раздражали; многое из того, чего он раньше боялся, перестанет внушать ему опасение. Он усвоит совершенно новый взгляд на жизнь. Прежде он, может быть, робко приступал к тому или иному делу. Он говорил себе: о, у меня не хватает сил сделать это так, как я бы этого хотел. Теперь ему больше не приходит эта мысль, но приходит совершенно иная. Отныне он говорит себе: я соберу всю мою силу, чтобы исполнить свое дело самым лучшим образом, как я только могу. И он подавляет ту мысль, которая может сделать его нерешительным. Ибо он знает, что именно нерешительность может повлечь за собой худшее исполнение его дела и во всяком случае эта нерешительность отнюдь не поможет ему сделать лучше то, что ему предстоит сделать. И таким образом в жизнепонимание ученика проникают одна за другою мысли, которые действуют плодотворно и благоприятно на его жизнь. Они заступают на место тех, которые влияли на него задерживающим и ослабляющим образом. Твердым и уверенным ходом начинает он вести свой жизненный корабль посреди волн жизни, между тем как прежде эти волны бросали его из стороны в сторону.

Этот покой и эта уверенность оказывают, в свою очередь действие и на все существо человека. Благодаря им растет внутренний человек. А вместе с ним растут те внутренние способности, которые приводят к высшим познаниям. Ибо благодаря своим, сделанным в этом направлении, успехам ученик постепенно достигает того, что он сам начинает определять, как должны влиять на него впечатления внешнего мира. Он слышит, например, какое-нибудь слово, которым некто хочет оскорбить или разгневать его. До своего ученичества он бы оскорбился или разгневался. Теперь же, вступив на путь ученичества, он в силах вырвать у слова его оскорбляющее или раздражающее жало, прежде чем оно найдет путь в него. Или вот другой пример. На путь ученичества вступает человек нетерпеливый. В минуты своего покоя он так сильно проникается чувством бесцельности всякого нетерпения, что с тех пор при каждом переживаемом им нетерпении в нем тотчас же возникает это чувство. Готовое уже вспыхнуть нетерпение исчезает, и время, которое иначе было бы потеряно на представления, вызываемые нетерпением, теперь может быть заполнено каким-нибудь полезным наблюдением, сделанным во время ожидания.

Теперь нужно представить себе все значение сказанного. Вспомним, что «высший человек» в человеке находится в непрестанном развитии. И только описанные покой и уверенность дают ему возможность закономерного развития. Волны внешней жизни со всех сторон теснят внутреннего человека, если не сам человек владеет этой жизнью, а она владеет им. Такой человек подобен растению, обреченному развиваться в расщелине скалы. Оно чахнет до тех пор, пока ему не создадут простора. Но внутреннему человеку никакие внешние силы не могут создать простора. Это может сделать только *внутренний покой*, устанавливаемый им в своей душе. Внешние обстоятельства могут изменить *только* его внешнее жизненное положение; пробудить в нем «духовного человека» они не смогут никогда. В себе самом должен ученик родить нового, высшего человека.

Этот «высший человек» становится тогда «внутренним повелителем», который уверенной рукой направляет жизненные условия внешнего человека. Пока одерживает верх и руководит внешний человек, этот «внутренний» остается его рабом и не может поэтому развернуть своих сил. Если не от меня самого, а от чего-либо другого зависит, раздражаюсь ли я или нет, то я не господин сам себе, или – лучше сказать – я еще не нашел «повелителя в себе». Я должен развить способность допускать до себя впечатления внешнего мира только мной самим определяемым образом; только тогда могу я стать учеником на пути тайноведения. И только в той мере, в какой ученик серьезно ищет этой силы, может он прийти к цели. Дело не в том, как далеко успеет он уйти за какое-нибудь определенное время, но только в

том, чтобы он серьезно *искал*. Бывало, что иные годами напрягали свои силы, не видя в себе заметного успеха; но многие из тех, которые не отчаивались, а оставались непоколебимыми, потом совершенно внезапно достигали «внутренней победы».

Конечно, во многих жизненных положениях необходима большая сила, дабы создать в себе мгновения внутреннего покоя. Но чем большая требуется сила, тем значительнее и достижение. В духовном ученичестве все зависит от того, чтобы со всей энергией, с внутренней правдивостью и полной искренностью суметь предстать перед самим собой, со всеми своими действиями и поступками, как совершенно посторонний.

Но этим рождением *собственного* высшего человека характеризуется только одна сторона внутренней деятельности духовного ученика. К нему должно присоединиться еще нечто другое. Если даже человек и стоит перед самим собою как посторонний, он все же рассматривает лишь *себя самого*, он взирает на переживания и действия, с которыми он сросся благодаря именно своему жизненному положению. Он должен переступить эти пределы. Он должен возвыситься до *чисто* человеческого, не имеющего больше ничего общего с его собственным особым положением. Он должен перейти к рассмотрению таких вещей, которые все же продолжали бы касаться его как человека, даже если бы он находился в совершенно иных условиях и в другом жизненном положении. Благодаря этому в нем оживает нечто, возвышающееся над личным. Так он обращает взор к *мирам более высоким*, чем те, с которыми связывает его повседневность. И тем самым человек начинает чувствовать и переживать, что он сам принадлежит к этим высшим мирам. Это миры, о которых его чувство, его повседневные занятия ничего не могут сказать ему. Так впервые переносит он центр своего существа внутрь себя. Он прислушивается к голосам в себе, говорящим к нему в мгновения покоя; он вступает внутри себя в общение с духовным миром. Он отрешен от повседневности. Шум этой повседневности умолк для него. *Вокруг него* устанавливается тишина. Он отстраняет все то, что напоминает ему о внешних впечатлениях. Спокойная *внутренняя созерцательность*, беседа с чисто духовным миром наполняет всю его душу. Эта тихая созерцательность должна стать естественной жизненной потребностью ученика. Сначала он бывает совершенно погружен в мир мыслей. Он должен развить *живое чувство* для этой тихой деятельности мыслей. Он должен научиться *любить* то, что притекает к нему от духа. Тогда он вскоре перестает ощущать этот мир мыслей, как нечто менее действительное, чем окружающие его повседневные вещи. Он начинает обращаться со своими мыслями так же, как с вещами в пространстве. И тогда для него приближается мгновение, когда он начинает ощущать открывающиеся ему в тишине его внутренней работы мысли как нечто гораздо более высокое и действительное, чем вещи в пространстве. Он познает, что в этом мире мыслей высказывает себя *жизнь*. Он убеждается, что в мыслях изживаются не одни только теневые образы, но что через них говорят к нему скрытые *существа*. Из тишины начинает звучать ему речь. Прежде речь звучала ему только через его уши; теперь она звучит через его душу. Ему открылась внутренняя речь – внутреннее слово. Переживая в первый раз это мгновение, ученик испытывает огромное блаженство. На весь его внешний мир проливается внутренний свет. Вторая жизнь начинается для него. Поток божественного, дарующего блаженство мира изливается через него.

Такая жизнь души в мыслях, которая расширяется все больше до жизни в духовном существе, называется в гнозисе, в теософии *медитацией* (созерцательным размышлением). Медитация есть средство, ведущее к сверхчувственному познанию. Однако в такие мгновения ученик не должен расплываться в чувствах. У него не должно быть в душе неопределенных ощущений. Это только помешало бы ему прийти к истинному духовному познанию. Ясно, остро, определенно должны слагаться его мысли. Он найдет для этого точку опоры, если только не будет слепо отдаваться возникающим в нем мыслям. Пусть он лучше проникнется высокими мыслями, которым предавались в подобные мгновения исполненные духа

люди, уже далеко ушедшие в своем развитии. Он должен избрать своей исходной точкой писания, которые сами возникли из подобных откровений в медитации. В литературе мистической, гностической и в современной тайноведческой ученик найдет подобные писания. Они дадут ему материал для его медитации. Мудрецы человечества сами изложили в этих писаниях мысли, исполненные божественного знания; дух возвестил их миру через своих посланников.

Благодаря такой медитации с учеником происходит полное превращение. Он начинает создавать себе совершенно новые представления о действительности. Все вещи получают для него иное значение. Но нужно еще и еще раз отметить: это превращение не отчуждает ученика от мира. Он ни в коем случае не отчуждается от круга своих ежедневных обязанностей. Ибо он научается понимать, что малейшее действие, которое ему надо выполнить, малейшее переживание, встречающееся ему на пути, стоит в связи с великими мировыми существами и мировыми событиями. И когда эта связь станет для него ясной благодаря мгновениям созерцания, он будет вступать в круг своей деятельности с новой и более полной силой. Ибо теперь он знает: все, что он делает, и все, что он терпит, совершается ради великого, духовного мирового целого. Не вялое безразличие, но *сила* для жизни вливается в него из медитации.

Уверенным шагом проходит ученик по жизни. Что бы она ему ни приносила, он продолжает твердо идти вперед. Прежде он не знал, почему он работает, почему страдает: теперь он знает это. Легко понять, что такая медитативная работа лучше приводит к цели, если она проходит под руководством опытных людей. Таких, которые по собственному опыту знают, как сделать все наилучшим образом. Поэтому следует искать совета и указаний таких людей. Человек поистине не утратит при этом своей свободы. То, что иначе было бы лишь неуверенным блужданием наугад, становится при таком руководстве работой, уверенно направленной к цели. Кто обратится к знающим и опытным в этом отношении людям, тот никогда не постучится напрасно. Пусть он только сознает, что ищет лишь дружеского совета, а не превосходящей его силы, стремящейся к господству. Люди, обладающие действительным знанием, всегда окажутся в то же время и наиболее скромными, и для них нет ничего более чуждого, чем то, что называется вождением власти.

Кто путем медитации поднимается к тому, что связывает человека с духом, тот начинает оживотворять в себе то, что пребывает в нем вечно и не ограничено рождением и смертью. Только тот может сомневаться в этом вечном, кто не пережил его сам. Таким образом, медитация – это путь, приводящий человека к познанию, к созерцанию вечного, неразрушимого ядра своего существа. И только посредством медитаций может человек прийти к этому созерцанию. Гнозис, духовная наука говорят о вечности этого сущностного ядра, о его перевоплощении. Нередко спрашивают: почему человек ничего не знает о своих переживаниях, которые лежат по ту сторону рождения и смерти? Но вопрос следовало бы ставить иначе, а именно: каким образом достичь этого знания? Путь открывается в правильной медитации. Благодаря ей оживает воспоминание о переживаниях, лежащих по ту сторону рождения и смерти. Каждый может приобрести это знание; в каждом заложены способности, позволяющие самому познать, самому увидеть то, чему учат истинная мистика, духовная наука, антропософия и гнозис. Надо только избрать верные средства. Воспринимать звук и цвет может только существо, имеющее уши и глаза. Но и глаз ничего не может воспринять, если нет света, который делает вещи зримыми. В тайноведении даны средства развить духовные уши и очи и возжечь духовный свет. Эти средства духовного обучения можно разделить на следующие три ступени: 1) *подготовка* — оно развивает духовные органы чувств; 2) *просветление* — оно возжигает духовный свет; 3) *посвящение* — оно открывает общение с высшими существами духа.

Ступени посвящения

Последующие сообщения входят в состав метода духовного обучения, о названии и сущности которого может составить себе ясное представление каждый, кто его правильно применит. Они относятся к трем ступеням, через которые школа духовной жизни приводит к известной степени посвящения. Однако читатель встретит в этих разъяснениях лишь то, что может быть сказано открыто. Это будут указания, вынесенные из еще более глубокого, интимного учения. В самих школах тайноведения соблюдается совершенно определенный порядок обучения. Существуют известные методы, служащие тому, чтобы привести душу человека к сознательному общению с духовным миром. Эти методы относятся к излагаемому ниже приблизительно так же, как преподавание в высшей, строго поставленной школе относится к наставлениям, сообщаемым в подготовительной школе. Однако *серьезное*, настойчивое выполнение предлагаемых здесь указаний может привести к действительному духовному ученичеству. И напротив, нетерпеливые попытки, не основанные на серьезном отношении и настойчивости, ни к чему не приведут. Духовное обучение может быть успешным только в том случае, если прежде всего соблюдается сказанное ранее и уже на этой основе строится дальнейшее.

Упомянутой традицией указывается на три следующие ступени: 1) подготовка, 2) просветление, 3) посвящение. Нет никакой необходимости в том, чтобы эти три ступени следовали именно в таком порядке и чтобы первая была пройдена *до конца*, прежде чем наступит очередь второй, а вторая – прежде наступления третьей. В некоторых вещах можно уже достичь просветления и даже посвящения, находясь относительно других только на ступени подготовки. Но все же некоторое время должно быть отдано подготовке, прежде чем вообще может начаться просветление. И нужно быть хоть несколько причастным просветлению, прежде чем может быть положено начало посвящению. В описании же эти три ступени для простоты должны следовать одна за другой.

Подготовка

Подготовка состоит в совершенно определенном воспитании жизни чувств и мыслей. Благодаря этому воспитанию душевное и духовное тела одаряются орудиями высших чувств и органами деятельности подобно тому, как силы природы снабдили органами физическое тело, создав их из неоформленной живой материи.

Начинать надо с того, чтобы направить внимание души на некоторые процессы в окружающем нас мире. Эти процессы суть, с одной стороны, зарождающаяся, растущая и созревающая жизнь, и, с другой стороны, – все явления, связанные с отцветанием, увяданием, умиранием. Повсюду, куда человек ни направит взор, одновременно совершаются такие процессы. И везде они, естественно, вызывают в человеке чувства и мысли. Но при обыкновенных условиях человек недостаточно отдается этим чувствам и мыслям. Для этого он слишком поспешно перебегает от одного впечатления к другому. Необходимо, чтобы он вполне сознательно и интенсивно направил свое внимание на эти факты. Воспринимая какой-либо совершенно определенный случай цветения и роста, он должен изгнать из своей души все остальное и на короткое время отдаться целиком только *этому одному* впечатлению. Вскоре он убедится в том, что чувство, которое прежде в подобном случае только бегло проскользнуло в его душе, теперь начинает расти, принимает сильную энергичную форму. Он должен тогда дать спокойно прозвучать в себе этого рода чувству. При этом ему необходимо придти к полной внутренней тишине. Он должен закрыть себя от всего остального внешнего мира и следить только за тем, что говорит его душа о факте цветения и роста.

Но при этом вовсе не следует думать, что можно продвинуться, притупляя свои *чувства* по отношению к миру. Сначала надо смотреть на вещи как можно живее и точнее. И только *потом* уже – отдаваться оживающему в душе чувству, нарождающейся мысли. Здесь важно направить внимание одинаково *и на то и на другое*, сохраняя при этом полное внутреннее равновесие. Если человек сумеет войти в необходимое состояние покоя и довериться тому, что оживает в душе, тогда через соответствующее время он сумеет *пережить* следующее. Он увидит, как в нем зарождается новый род чувств и мыслей, который он прежде не знал. Чем чаще направлять таким образом внимание попеременно то на что-нибудь растущее, расцветающее и созревающее, то на увядающее и отмирающее, тем живее делаются эти чувства. И из возникающих таким образом чувств и мыслей строятся органы ясновидения, подобно тому как с помощью сил природы из живой материи строятся глаза и уши физического тела. Вполне определенная форма чувства связывается с ростом и становлением; и совсем другая, столь же определенная – с увяданием и отмиранием. Но это происходит только тогда, когда человек описанным образом заботится о воспитании этих чувств. Можно с известной точностью описать, каковы эти чувства. Полное представление о них может составить себе каждый, кто сам проходит через эти внутренние переживания. Кто часто направлял внимание на процесс становления, роста, цветения, тот почувствует нечто, имеющее *отдаленное сходство* с ощущением, возникающим при восходе солнца. Процесс же увядания, отмирания вызовет в нем переживание, которое можно таким же образом сравнить с медленным восхождением луны на небосклоне. Оба эти чувства суть две силы, которые при надлежащем уходе, при все более живом развитии приводят к самым значительным духовным результатам. Кто все снова и снова, планомерно и преднамеренно, отдается этим чувствам, для того открывается новый мир. Мир души, так называемый астральный план, начинает брезжить перед ним. Рост и умирание перестают быть фактами, производящими на него только смутные впечатления, как это было раньше. Они слагаются, напротив, в духовные линии и фигуры, о которых он прежде не подозревал. И эти линии и фигуры для различных явлений имеют и различные формы. Распустившийся цветок волшебным обра-

зом рисует перед душой совершенно определенную линию; точно так же и находящееся в процессе роста животное, и отмирающее дерево. Мир души (астральный план) медленно разворачивается перед ним. В этих линиях и фигурах нет ничего произвольного. Два духовных ученика, находящиеся на соответствующей ступени развития, наблюдая за одним и тем же процессом, увидят всегда одни и те же линии и фигуры. Как два человека с правильным зрением несомненно увидят круглый стол круглым, а не увидят его один – круглым, а другой – четырехугольным, так и перед двумя душами при взгляде на распустившийся цветок неизбежно возникает один и тот же духовный образ. И как в естествознании описываются виды растений и животных, так и учитель тайноведения описывает или изображает духовные образы процессов роста и отмирания по родам и видам.

Когда духовный ученик достиг того, что может видеть духовные образы явлений, предстоящих физически его внешнему глазу, тогда он не далек уже и от ступени, на которой можно видеть вещи, не имеющие никакого физического существования и остающиеся поэтому совершенно скрытыми (окультурными) для того, кто не прошел духовного обучения.

Следует подчеркнуть, что духовный исследователь не должен погружаться в размышления о *значении* той или иной вещи. В силу рассудочного характера подобной работы он только отвлек бы себя от верного пути. Он должен бодро, со здоровым чувством и острой наблюдательностью всматриваться в чувственный мир и лишь затем погружаться в мир собственных чувств. Не рассудочным умозрением должен он пытаться проникнуть в значение вещей, но предоставить самим вещам высказаться о себе.²

В дальнейшем важно то, что тайноведение называет *ориентировкой* в высших мирах. Этого достигают, проникаясь всецело сознанием того, что чувства и мысли столь же *действительные факты*, как столы и стулья в физически чувственном мире. В мире душевном и в мире мыслей чувства и мысли действуют друг на друга так же, как в физическом мире – чувственные вещи. Пока человек живо не проникнется этим сознанием, он не поверит, что питаемая им ошибочная мысль может воздействовать на другие оживляющие мысленное пространство мысли столь же разрушительно, как выпущенная наугад ружейная пуля – на физические предметы, в которые она попадает. Такой человек, возможно, никогда не позволит себе совершить какого-либо физически видимого действия, которое он считает бессмысленным. Но он не побоится носить в себе превратные мысли или чувства. Ибо, по его мнению, они не представляют собой опасности для остального мира. Но в тайноведении можно продвинуться только в том случае, если относиться к своим мыслям и чувствам с таким же вниманием, с каким люди относятся к своим поступкам в физическом мире. Когда человек видит перед собой стену, он не пытается проскочить сквозь нее; он обходит ее. Он согласует свои действия с законами физического мира. Такие законы существуют и для мира мыслей и чувств, но только здесь они не могут действовать на человека принудительно, извне. Они должны проистекать из его собственной душевной жизни. Этого можно достичь, запрещая себе превратные мысли и чувства. Всякое произвольное блуждание мысли, всякую пустую игру фантазии, все случайные приливы и отливы чувств следует запретить себе. От этого человек не станет беднее чувством. Напротив, он скоро обнаружит, что, только упорядочив таким образом свой внутренний мир, он приобретает настоящее богатство чувств и истинную творческую фантазию. Вместо мелочной чувствительности и праздной игры мыслей появляются значительные чувства и плодотворные мысли. И эти чувства и мысли приводят человека к способности *ориентироваться* в духовном мире. Он становится в правильные отношения к реальностям духовного мира. И это оказывает на него совершенно определен-

² Должно заметить, что художественная чуткость в соединении с тихой, погруженной в себя натурой является наилучшим предварительным условием для развития духовных способностей. Эта чуткость проникает сквозь поверхностную видимость вещей и, благодаря этому, обретает доступ к их тайнам.

ное воздействие. Подобно тому, как физический человек находит свой путь между физическими телами, так теперь его тропа пролегает между *ростом* и *отмиранием*, которые он научился распознавать на описанном выше пути. Он следует тогда за всем растущим и развивающимся – с одной, и за всем увядающим и отмирающим – с другой стороны, как это требуется для собственного его развития и для развития мира.

Дальнейшая забота духовного ученика должна быть посвящена миру звуков. Здесь надо различать между звуками, производимыми так называемыми *безжизненными* предметами (падением тела, колоколом или музыкальным инструментом), и теми, которые исходят от живых существ (животного или человека). Слыша удар колокола, человек воспринимает звук и связывает с ним приятное чувство; в то время как в крике животного, он кроме этого чувства ощущает в звуке еще и откровение внутреннего переживания животного, его удовольствие или страдание. С этого рода звуков и должен начинать духовный ученик. Ему необходимо направить все свое внимание на то, что звук возвещает ему нечто, находящееся вне его собственной души. И он должен погрузиться в это чужое. Он должен тесно связать свое чувство с этим страданием или удовольствием, возвещаемым ему через звук. Он должен отрешиться от того, чем является *для него* этот звук, приятен ли он ему или неприятен, привлекает ли к себе или отталкивает от себя; его душу должно наполнять только то, что происходит в самом существе, от которого исходит звук. Кто планомерно и вдумчиво будет проделывать эти упражнения, тот приобретет некоторым образом сливаться с существом, от которого исходит звук. Человеку, одаренному музыкальной чуткостью, такое воспитание своей душевной жизни будет даваться легче, чем немусикальному. Но все же не следует думать, что музыкальные способности могут заменить подобное воспитание. Духовному ученику надо учиться подобным образом ощущать *всю природу*. Благодаря этому в мир чувства и мысли погружается зачаток новой способности. Вся природа звучанием своим начинает нашептывать человеку тайны. Что раньше для его души было невразумительным шумом, становится благодаря этому исполненным смысла *языком природы*. И если раньше в звучании так называемых безжизненных вещей он слышал только звук, теперь он в нем воспринимает новый язык души. Продвигаясь в воспитании своих чувств, он вскоре замечает, что может *слышать* то, о чем он раньше и не подозревал. Он начинает слышать *душою*.

Чтобы ученик мог достичь той вершины, которая вообще достижима в этой области, к этому необходимо прибавить и нечто иное. Особенно важно для развития духовного ученика то, как он *внимает* разговору других людей. Он должен приучать себя делать это так, чтобы его собственный внутренний мир при этом совершенно *безмолвствовал*. Когда кто-либо выслушивает мнение, высказываемое другим, то в его душе обычно возникает согласие или возражение. Многие, конечно, тотчас ощутят побуждение проявить свое согласие или, особенно, свое несогласие. Но духовный ученик должен заставить умолкнуть любое согласие или возражение. Дело здесь вовсе не в том, чтобы он внезапно изменил свой образ жизни и беспрерывно домогался этого внутреннего, глубокого безмолвия. Он должен только положить начало этому, поступая так в отдельных случаях, которые он избирает по собственному усмотрению. Тогда очень медленно и не сразу, как бы сам собой, этот новый род слушания прокрадется в его привычки. При духовном исследовании планомерно упражняются в этом. Ученики чувствуют себя обязанными, упражняясь, выслушивать какое-то время самые противоречивые мысли и приводить при этом к полному безмолвию любое свое согласие и, особенно, любое отрицательное суждение. При этом важно, чтобы безмолвствовали не только все рассудочные суждения, но также и все чувства недовольства, отрицания или согласия. С особой тщательностью должен ученик постоянно наблюдать за собой, не присутствуют ли в нем, пусть и не на поверхности, но, в таком случае, в самой внутренней глубине его души – эти чувства. Ему следует, например, выслушивать мнения людей, стоящих в каком-отнесе-

нии значительно ниже него, и подавлять при этом *всякое* чувство большей своей осведомленности и превосходства. В этом смысле каждому будет полезно прислушиваться к детям. Самый мудрый может безмерно многому научиться у детей. Так человек достигает того, что отныне он умеет, *отрешившись* от своей собственной личности, ее мнений и образа чувств, выслушивать других. Упражняясь таким образом в выслушивании без всякой критики даже тех мнений, которые совершенно противоречат его убеждениям, и когда ему подносятся «самые превратные» суждения, он мало-помалу научается совершенно сливаться с существом другого человека, всецело растворяться в нем. Он вслушивается тогда сквозь слова в самую душу другого. Благодаря подобным продолжительным упражнениям звук становится, наконец, верным средством для восприятия души и духа. Конечно, для этого необходимо настраивать самое самовоспитание. Но оно ведет к высокой цели. Если эти упражнения производить в сочетании с другими, указанными выше и относящимися к звучанию в природе, то в душе человека вырастает новое чувство слуха. Она приобретает способность воспринимать вести из духовного мира, которые не выражаются во внешних звуках, воспринимаемых физическим слухом. Пробуждается восприятие «внутреннего слова». Духовному ученику постепенно открываются истины из мира духа. Он слышит обращенную к себе духовную речь.³ Все высшие истины постигаются благодаря этой обращенной к нам «внутренней речи». И то, что можно услышать из уст истинного духовного исследователя, бывает получено им таким путем. Но это не значит, что занятия тайноведческими сочинениями не принесут пользы до тех пор, пока человек сам не сможет внимать подобным образом «внутренней речи». Напротив, чтение этих сочинений и слушание учений духовных исследователей сами по себе являются средством, позволяющим прийти к собственному познанию. Каждая мысль, высказанная в тайноведении, способна направить ум услышавшего ее туда, куда он должен прийти, если его душа поистине хочет сделать шаг вперед в своем развитии. Ко всему приведенному здесь следует прибавить усердное изучение того, что сообщают миру духовные исследователи. При любом духовном ученичестве подобное изучение входит в состав подготовительной ступени. И если кто-либо захотел бы применить все остальные средства, не приняв сначала учений духовных исследователей, он не пришел бы к цели. Ибо эти учения почерпнуты из живого «внутреннего слова», из «живой внутренней речи»; поэтому сами они обладают духовной жизнью. Они – не просто слова. Они – живые силы. И в то время как ты прислушиваешься к словам обладателя тайного знания, в то время как ты читаешь книгу, возникшую из действительного внутреннего опыта, в твоей душе деятельны *силы*, делающие тебя *ясновидящим*, подобно тому, как силы природы из живого вещества образовали твои глаза и уши.

³ Только к тому, кто путем самоотрешенного слушания достигнет действительной способности воспринимать внутренне, в тишине, без всякого участия своего личного мнения или чувства, могут говорить высшие существа, о которых идет речь в тайноведении. Пока выслушиваемое встречает со стороны ученика то или иное мнение или какое-либо чувство, существа духовного мира безмолвствуют.

Просветление

Источником просветления служат очень простые переживания. Здесь также речь идет о развитии известных мыслей и чувств, которые дремлют в каждом человеке и которые должны пробудиться. Только того, кто терпеливо, строго и настойчиво упражняется в этих простых переживаниях, могут привести они к восприятию явлений внутреннего света. Начало можно положить, рассматривая определенным образом различные предметы и существа природы, например: прозрачный, хорошо сформированный камень (кристалл), растение или животное. Сначала надо постараться следующим образом направить все свое внимание на сравнение камня с животным. Приводимые здесь мысли должны проходить через душу, сопровождаемые живым чувством. И никакая другая мысль, никакое другое чувство не должны примешиваться и нарушать напряженное, чуткое размышление. Надо сказать себе: «Камень обладает обликом; животное также обладает обликом. Камень *покоится* на своем месте. Животное же может перемещаться с места на место. Влечение (желание) побуждает животное к перемене места. Этим влечениям служит и сам облик животного. Его органы, его орудия выработаны сообразно этим влечениям. Облик же камня сложен не сообразно желаниям, а свободной от желаний силой».⁴ Если интенсивно погрузиться в эти мысли и с напряженным вниманием рассматривать камень и животное, тогда в душе ожидают два совершенно разных рода чувств. От камня струится в нашу душу чувство одного рода; от животного – другого. Вначале это, вероятно, не удастся; но при действительно терпеливом упражнении эти чувства постепенно появятся. Нужно только все снова и снова выполнять упражнение. Поначалу их присутствие ощущается в течение лишь того времени, сколько длится само упражнение. Но позднее их воздействие продолжится. И тогда они станут чем-то, что останется живым в душе. Человеку достаточно будет только погрузиться в эти мысли, как оба чувства тотчас же возникнут уже и без созерцания внешнего предмета. Из этих чувств и из связанных с ними мыслей образуются *органы ясновидения*. Если подобным образом рассматривать и растение, то можно заметить, что исходящее от него чувство как по своей специфике, так и по силе представляет собой нечто среднее между чувствами, которые истекают от камня и от животного. Образующиеся таким образом органы суть *духовные очи*. Постепенно человек научается видеть ими как бы душевные и духовные цвета. Пока он усвоил себе только то, что было описано как «подготовление», духовный мир с его линиями и фигурами оставался темным; благодаря «просветлению» он озаряется. И здесь необходимо заметить, что слова «темный» и «светлый», как и другие приведенные выражения, лишь приблизительно передают то, что имеется здесь в виду. Но при пользовании обычным языком это и не могло быть иначе. Ибо этот язык создан только для телесных условий. Итак, тайноведение определяет то, что излучается для органа ясновидения от камня, как «голубое» или «голубовато-красное». А то, что ощущается от животного, – как «красное» или «красно-желтое». На самом же деле, видимые при этом цвета – «духовного рода». Цвет, исходящий от растения, – «зеленый», постепенно переходящий в светло-эфирный розово-красный. Растение занимает такое место среди природных существ, что оно и в высших мирах сохраняет, в известном отношении, сходство с характером, присущим ему в физическом мире. В случае же с животным или камнем дело обстоит иначе. Надо, однако, уяснить себе, что вышеупомянутые цвета составляют только главные оттенки царства камней, растений и животных. В действительности же существуют все возможные промежуточные оттенки. Каждому камню,

⁴ Приводимый здесь пример – поскольку он касается наблюдения над кристаллом – многообразно искажался теми, кто был наслышан о нем только внешним образом (экзотерически); отсюда возникли приемы, такие как «глядение в кристалл» и т. п. Подобные манипуляции основаны на недоразумениях. Они неоднократно описывались в книгах. Но они никогда не составляли предмета истинного (эзотерического) духовного обучения.

каждому растению, каждому животному присущ свой вполне определенный цветовой оттенок. Не являются исключением также и никогда не воплощающиеся физически существа высшего мира, с их нередко изумительными, но часто и отталкивающими цветами. В действительности цветное многообразие в этих высших мирах неизмеримо богаче, чем в физическом мире.

Если человек уже приобрел способность видеть «духовным оком», то рано или поздно он встретит также и этих высших существ, а также существ, стоящих гораздо ниже человека, которые никогда не вступают в физическую действительность.

Когда человек достиг описанных здесь результатов, то перед ним открыты пути ко многому. Однако никому нельзя посоветовать идти еще дальше, если ученик не намерен тщательно соблюдать указаний и сообщений, данных ему духовным исследователем. Но уже и применительно к сказанному лучше всего было бы прибегнуть к такому опытному водительству. Впрочем, если человек обладает достаточной силой и выдержкой, чтобы достичь результатов, отвечающих описанным элементарным ступеням просветления, то он наверняка станет искать и найдет подлинное водительство.

Но во всех случаях необходимо соблюдать осторожность, и тому, кто не примет это во внимание, лучше оставить все попытки проникнуть в тайноведение. Необходимо, чтобы человек, становясь духовным учеником, не утратил своих качеств, делающих его благородным и добрым человеком, восприимчивым ко всему физически действительному. Более того, во время своего духовного ученичества он должен постоянно возвышать свою моральную силу, внутреннюю чистоту, свой дар наблюдения. Приведем пример: во время выполнения элементарных упражнений, относящихся к просветлению, духовный ученик должен постоянно заботиться о том, чтобы усилить свое сочувствие к миру людей и животных, свою чуткость к красоте природы. Если он не позаботится об этом, то благодаря подобным упражнениям упомянутые способности будут постоянно притупляться в нем. И тогда сердце очерствеет и чувство притупится, а это может привести к опасным результатам.

Как складывается просветление в дальнейшем, когда ученик от упражнений над камнем, растением и животным восходит к человеку, и каким образом после просветления рано или поздно устанавливается соединение души с духовным миром и приводит к посвящению: об этом, насколько возможно, будет идти речь в следующей главе.

В наше время многие ищут пути к тайноведению. Это делается различным образом; и при этом нередко прибегают к опасным и даже предосудительным методам. Поэтому те, кто считает себя обладателем истинного знания об этих вещах, должен предоставить другим возможность ознакомиться с некоторыми особенностями тайноведческого обучения. И здесь сообщается лишь столько, сколько это отвечает такой возможности. Необходимо, чтобы известная доля истинного знания получила распространение, с тем, чтобы ложное не причинило большого вреда. На указанном здесь пути никто не понесет никакого ущерба, если только не будет ничего форсировать. Но одно надо помнить: никто не должен уделять подобным упражнениям времени и сил больше, чем это ему могут позволить его жизненное положение и его обязанности. Вступая на путь тайноведения, никому не следует резко изменять что-либо во внешних условиях своей жизни. Если он хочет достичь действительных результатов, он должен иметь *терпение*; нужно уметь после нескольких минут упражнения прекратить их и спокойно перейти к своей каждодневной работе. И никакие мысли об упражнениях не должны примешиваться к ней. Кто не научился *ждать* — в высшем и лучшем смысле слова, тот не годится в духовные ученики и никогда не достигнет скольких-нибудь значительных результатов.

Контроль мыслей и чувств

Когда кто-то ищет пути к тайноведению описанным в предыдущей главе способом, он должен помнить о необходимости постоянно укреплять себя в течение всей своей работы *одной* мыслью. Ему следует все время иметь в виду, что через некоторое время может оказаться, что он сделал уже весьма значительные успехи, которые, однако, проявятся совсем не так, как он, быть может, этого ожидал. Не приняв это во внимание, легко можно потерять настойчивость и выдержку в работе и вскоре прекратить ее вовсе. Силы и способности, подлежащие развитию, поначалу обладают очень нежным и тонким характером. И сущность их совершенно отличается от всего того, о чем человек прежде мог составить себе представление. Ведь он привык иметь дело только с физическим миром. Духовный и душевный ускользали как от его взора, так и от его понятий. Поэтому нет ничего удивительного в том, что теперь, когда в нем развиваются духовные и душевные силы, он замечает их не сразу. В этом кроется возможность заблуждения для того, кто, не основываясь на опыте, собранном сведущими исследователями, вступает на оккультный путь. Духовный исследователь узнает об успехах, сделанных учеником, задолго до того, как последний сам сможет осознать их. Он знает, как у ученика слагаются нежные духовные очи, прежде чем ученик узнает об этом сам. Поэтому значительная часть указаний духовного исследователя состоит именно в том, чтобы вызвать в ученике те силы, которые помогут ему сохранить доверие, терпение и выдержку до тех пор, пока он сам не придет к осознанию своих успехов. Ибо духовный наставник и не может *дать* своему ученику ничего такого, что – скрытым образом – не было бы уже заложено в нем. Он может только направлять развитие дремлющих способностей ученика. Но в то же время опыт, которым он делится, послужит опорой тому, кто из тьмы хочет пробиться к свету.

Многие, едва вступив на путь тайноведения, покидают его, потому что их успехи не становятся для них тотчас же заметными. Даже когда первый высший опыт замечается учеником, он часто смотрит на него как на иллюзию, поскольку он предварительно составил себе совершенно иные представления о том, что ему предстоит пережить. Он падает духом, потому ли, что считает свой первый опыт не имеющим никакой ценности, или потому, что опыт этот кажется ему слишком незначительным, и он не верит, что тот может привести его в течение обозримого времени к чему-нибудь значительному. Но *мужество* и *доверие* к себе – это два светоча, которые никогда не должны угасать на пути к тайному знанию. Кто не в состоянии превозмочь себя и терпеливо продолжать упражнение, которое, кажется, бесконечное число раз ему не удавалось, тот не уйдет далеко.

Гораздо раньше, чем отчетливо обнаружится успех, у человека появляется смутное ощущение того, что он на верном пути. И это чувство надо беречь, ибо оно может сделаться верным водителем. Прежде всего нужно с корнем вырвать убежденность в том, будто высшие познания достигаются благодаря каким-то странным, таинственным приемам. Следует уяснить себе, что исходить нужно из чувств и мыслей, в которых человек живет постоянно, и что этим с мыслям и чувствам он только должен придать другое направление вместо привычного. Пусть каждый начнет с того, что скажет себе: «В мире моих собственных мыслей и чувств сокрыты высочайшие тайны, но я до сих пор не воспринимал их». Все, в конце концов, упирается в то, что человек постоянно несет с собой тело, душу и дух, *сознает* же он, собственно говоря, не душу и не дух, а только свое тело. Духовный же ученик начинает сознавать свою душу и свой дух, подобно тому, как обычный человек сознает свое тело.

Поэтому все дело в том, чтобы суметь придать верное направление чувствам и мыслям. Тогда развивается восприятие незримого в обыкновенной жизни. Здесь будет указан один из путей, позволяющих осуществить это. Он так же прост, как почти все, что до сих пор сооб-

щалось. Но он может привести к значительным результатам, если настойчиво выполнять это упражнение и если человек способен отдаваться ему с необходимым интимным настроением.

Надо положить перед собой семя какого-нибудь растения. Здесь важно направить свои усилия на то, чтобы вызвать в себе перед этой малоприметной вещью надлежащие мысли и благодаря этим мыслям развить в себе определенные чувства. Прежде всего он должен отдать себе отчет в том, что именно он действительно видит глазами. Пусть он про себя опишет форму, цвет и все прочие свойства этого семени. Затем пусть он углубится в следующее размышление. Из этого семени, если посадить его в землю, разовьется сложное растение. Пусть он представит себе это растение. Пусть воссоздаст его в своем воображении и затем подумает так: «То, что я создаю силой собственного воображения, впоследствии будет действительно вызвано наружу из семени силами земли и света. Если бы передо мной был искусственный предмет, в точности похожий на семя, похожий настолько, что мои глаза были бы не в состоянии отличить его от настоящего семени, то никакие силы земли и света не могли бы извлечь из него растение». Кто полностью уяснит себе эту мысль и внутренне переживет ее, тот сможет с *верным чувством* образовать и следующую мысль. Он скажет себе: «В семени уже покоится скрытым образом – как *сила* целого растения – то, что позднее вырастет из него. В искусственной копии семени этой силы нет. И все же *для моих глаз* они неразличимы. Итак, в подлинном семени содержится нечто *невидимое*, то, чего нет в его имитации». На это невидимое и необходимо теперь направить чувство и мысли.⁵ Надо представить себе: это невидимое превратится впоследствии в видимое растение, которое я буду иметь перед собой в форме и цвете. Нужно проникнуться мыслью: *невидимое станет видимым*. Если бы я не мог *мыслить*, то мне не было бы уже теперь известно то, что делается видимым лишь впоследствии.

⁵ Если бы кто-нибудь на это возразил, что при более точном микроскопическом исследовании всегда можно отличить подделку от настоящего семени, то он только показал бы этим, что не понял того, о чем здесь говорится. Важно вовсе не то, что мы на самом деле имеем перед собой чувственным образом, а то, чтобы суметь развить на этом упражнении свои душевно-духовные силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.